

**ВСТРЕЧА М.С. ГОРБАЧЕВА С ГРУППОЙ ПЕРВЫХ СЕКРЕТАРЕЙ
ЦК КОМПАРТИЙ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК, КРАЙКОМОВ И
ОБКОМОВ ПАРТИИ, УЧАСТВОВАВШИХ В РАБОТЕ ПОСТОЯННЫХ
КОМИССИЙ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР**

22 октября 1986 года

ГОРБАЧЕВ. Товарищи! Когда я узнал об участии большого числа первых секретарей в работе постоянных комиссий Верховного Совета СССР, решил не пропускать случай и встретиться с вами. Думаю, такую традицию мы будем продолжать.

У нас теперь есть одна повестка для встреч – как идет перестройка. Это, думаю, на ближайшие лет 10, а уж на 5 – точно. Мы теперь лучше чувствуем, на какие высоты всходим. Перестройка сейчас охватывает все новые и новые сферы жизни. Это вызывает огромный резонанс в обществе. И, видимо, потому, что оно находилось в состоянии ожидания перемен. Они назрели не случайно.

А ведь начиналось все с новых подходов в экономике. Потом оказалось, что, если не изменить и не перестроить социальную сферу, то и в экономике дела не пойдут. Человек может многое сделать, когда он экономически и социально заинтересован.

А потом мы поняли, что не справиться нам с перестройкой, если не оздоровить основательно моральную атмосферу в обществе. Ведь прямо надо сказать, что наши нравственные ценности оказались сильно деформированными.

Все мы сейчас находимся в процессе перестройки. Взять Политбюро. От заседания к заседанию мы набираемся опыта в решении возникших перед обществом проблем.

Я езжу по стране и сужу по тем встречам, которые у меня были: меняется народ на глазах, поднимает голову, включается в дела. Поддержка решениям съезда – огромна, но и вопросов нерешенных остается немало.

На Октябрьской площади в Краснодаре под такой «перекрестный допрос» попал, такие вопросы начали люди ставить, такие суждения высказывать... Подумал: вот он, наш народ какой! Мы всё считаем, что с ним не о чем и посоветоваться, а у него столько всего накопилось, и хочет он так много высказать. **Люди готовы к участию в перестройке, готовы помочь советом, делом, мыслями. В связи с этим возникает вопрос: насколько мы способны к тому, чтобы в полную силу включить народ в решение проблем экономики, управления производством, в работу Советов и общественных организаций.** Так ли они действуют, как того заслуживает наш народ?

Очень много накопилось такого, товарищи, что существует лишь для галочки. Провели заседание, обозначили мероприятие, и вот так маховик крутится и 10, и 15 лет. Мероприятия идут, а реального, причем нарастающего участия людей в управлении своим социалистическим домом по-настоящему нет.

Поэтому мы на каком-то этапе остановились в своем развитии. И потенциал социализма во многих сферах перестал находить должную реализацию. А ведь мы имеем прочную основу – мощную экономику, образованный народ, сплоченное, стабильное в политическом плане общество. Опираясь на все это, надо смелее выходить на новые рубежи.

Перестройку следует начинать с партии, с нас – с первых секретарей, членов ЦК, с бюро. С секретарей райкомов, горкомов, там, где происходит состыковка нашей политики с реальной жизнью. Иначе дело захлебнется. Если парторганизации не перестраиваются, если коммунисты, с трудом собравшись вместе, посидят и разойдутся, ничего толкового не породив и никакого движения не вызвав в своем коллективе, то ничего не получится.

Начав весь процесс перестройки с партии, мы тем самым подняли ее авторитет. А то значит: мы сумели пригасить все анархистские настроения, которые уже заметно пробивались. Да еще с нездоровым политическим

привкусом. Сейчас весь процесс изменений пошел по инициативе и под руководством партии. Это очень важно. И теперь через демократию, через улучшения стиля нашей работы, через новые методы хозяйствования мы открываем дорогу людям к их самостоятельности, подключаем к политической линии партии весь народ, все общество.

Таков замысел в крупном плане. Замысел правильный, и надо его хорошо всем уяснить и разъяснить людям. Мы выбрали самый трудный, но и самый нужный путь. Таково мое убеждение. Каждый раз на Политбюро – так или иначе – все эти вопросы оказываются центре внимания.

А теперь хотел бы попросить высказаться вас. Причем откровенно. Обратите внимание на следующее.

Не переоцениваю ли я те процессы, которые в стране развернулись, и преувеличиваю ли какие-либо в них моменты? Может быть, у вас другая оценка, может, она расходится с нашей, а мы желаемое выдаем за действительное? Очень важно знать, как реально идут дела. То, что трудно, – это мне ясно. А вот, может быть, в чем-то наша линия нуждается в корректировке. Поэтому давайте, как говорится вести откровенный разговор. По душам: как идут дела, у кого что наболело, у кого какие возникают сомнения какие существуют проблемы.

БОЙКО. Линия Центрального Комитета партии на ускорение находит полную поддержку в народе. Областная партийная организация стремится к тому, чтобы перестройку, что называется, материализовать. И прежде всего в деятельности аппарата и бюро областного комитета партии. Послушали мы облисполком. С профсоюзом состоялся откровенный разговор. С комсомолом беседовали.

ГОРБАЧЕВ. Развивайте самостоятельный характер комсомола.

БОЙКО. Да, будем это делать. Мы рассмотрели ряд вопросов, поставленных XXVII съездом, и стремимся к тому, чтобы была системность в действиях. Стараемся сейчас меньше «проверять», больше оказываем помощь

на деле. Обновляем аппарат обкома партии, вплоть до заведующих отделами. Секретарей, которые уже в возрасте, заменили на молодых. Резерв укрепили.

ГОРБАЧЕВ. Это интересный процесс. Не все зависит от возраста. Многие партийцы, которые раньше томились, не могли раскрыть свой потенциал, сейчас получили возможность развернуться и разворачиваются. Конечно, в том случае, если потенциал есть. А так и у новых, смотришь, иногда ничего не получается. Но в принципе омоложение дает результат.

Смотрю: что же так рвется директор КамАЗа перейти работать на принципы АвтоВАЗа, а его не пускают. Начинаю разбираться. Вроде Совмин против. Я к Николаю Ивановичу Рыжкову обратился. Он мне говорит: «Михаил Сергеевич, да тут дело в другом. Руководители предприятий требуют, чтобы переходить на новые принципы хозяйствования, а министр – против, и не хочет переводить отрасль на эти принципы». Причем, это же в общем дельный человек – Поляков. И школу большую прошел. Но настолько выработался, настолько болезненно многое воспринимает, что не все делает, как требует время. На днях подал заявление. Говорит: не могу уже. И Политбюро решило утвердить министром автомобилестроения Пугина, горьковчанина, директора автозавода, 1940 года рождения... Разворотливый парень... У него были интересные предложения, как перекроить весь завод. Мы его тогда поддержали.

Молодежь тянется к новому, а люди постарше консервативны, не в обиду им будь сказано.

БОЙКО. Михаил Сергеевич! Молодых, способных товарищей, прошедших определенную школу партийной работы, направляем вновь на производство. Начали присматриваться в институтах к способной молодежи. Потому что, если сейчас пустить ее по всей нашей кадровой лесенке, перспективный человек может потеряться.

Перестраиваем работу в области быта, организации досуга, потому что на производстве у нас лучше все отлажено. Добиваемся, например, чтобы общежития каждое воскресенье посещались работниками и обкома, и

райкомов партии: лучше кто-то возьмет выходной во вторник или в четверг, а в воскресенье пусть поработает. Приняли также решение: до 1990 года дать всем желающим участок земли под сад или огород.

ГОРБАЧЕВ. Это достойно поддержки. Пусть хоть кубанцы, хоть кто угодно говорят о нехватке земли, но вот что надо сделать обязательно, так дать людям возможность с землей поработать. Тут я считаю самые большие трудности могут быть только у В.К. Месяца, ибо в Московской области уже 15 миллионов человек. Но и здесь искать возможности нужно.

БОЙКО. Перестраиваем работу потребительской кооперации. Вот мы в двух районах взяли потребительскую кооперацию, а заодно профсоюз и Советы. Посоветовали им: заключите договор с каждым двором. Пусть старушка сдаст два ведра, скажем, фасоли. И она будет знать, что труд ее нужен, он интересен и важен для общества.

ГОРБАЧЕВ. Очень правильная мысль! Потенциал кооперации мы используем процентов на 10 и часто все дело сводим только к торговле. А ведь это и механизм связи с народом. Я бы на вашем месте нашел и транспорт для такого дела, обязал все ведомства отдать по одной машине из своих фондов, помог бы приемные пункты создать и т. д. Вот это, товарищи, и есть настоящая политика.

Вообще **обком партии должен все время в поле своего зрения держать вопрос: а какие политические последствия от того, что он делает? Я бы даже сказал: социально-политические последствия.** И вы увидите: требуются новые шаги, а от многого, ненужного можно освободиться, потому что делается это по старым схемам – для бюрократии, для отчета. Все это чепуха, хлам, который надо выбросить как устаревший.

А вот то, о чем говорит товарищ Бойко: действовать через кооперацию, через быт, через организацию досуга, через кадры, через семью – вот тут будут политически реальные последствия. Привыкли мы организаторскую работу к заседаниям, к писанине бумаг сводить. И идеологическую работу сводить, понимаете ли, к болтовне. Заболтали сами себя и всех. А нужна реальная

работа. Руководство обкома не может сводить дело к тому, чтобы лишь вызывать людей и делать накачки. Это – неправильно. А вот когда привлекают различные общественные силы – это направление верное.

Никто не может заменить обком, но и он не должен стремиться подменять других. Вот какова формула работы! **Обком – политический центр. Как эта политика проводится, соответствует ли то, что мы делаем, задуманному, каковы последствия этой политики – вот оно, политическое руководство. Мы до сих пор больше говорили, что партийные комитеты – это органы политического руководства. Теперь мы подошли к такому этапу, когда на данном направлении должен обозначиться реальный сдвиг.**

Нельзя сказать, что мы раньше ничего не делали. Кто-кто, а партийные работники – практически все неутомимые, беззаветные труженики. Но все-таки у нас тут тоже есть резервы и возможности улучшить дело. К сожалению, имеются деформации. Наверное, на этом сказалось многое. И сама система демократии по-настоящему не работала. Хотя мы в ней часто не нуждались. Разве нам не говорили: слушай, а ты чего так активничаешь? Ты лучше слушай, что тебе скажут, и что скажут – то и делай. И вообще такого «активиста» старались передвинуть куда-нибудь. Эта психология имеет глубокие корни. А сейчас надо, чтобы человек «высовывался», конечно, в хорошем плане. Чтобы человек свою позицию занимал.

БОЙКО. Еще одно – о борьбе с нетрудовыми доходами. Подошли к делу так. Разобрались в причинах, способствующих появлению нетрудовых доходов. Причем разбирались с привлечением работников различных сфер. Чтобы, например, ликвидировать левые доходы, все шире развиваем платные услуги. Теперь нередко дело обстоит так: заказывай машину, плати деньги – и тебе привезут щебень, куда надо. И мы увидели, сколько у нас возможностей.

Нас критикуют, что мы увлекаемся хозяйственными вопросами, но как же ими не заниматься. В коллективе неладно, а ты будешь в стороне стоять от этого? Не позволяет совесть, и начинаешь заниматься несвойственным тебе

делом. Перестройка – сложное дело, но она на местах воспринята. И самое главное, что люди ее одобряют, и большинство уже действует. Но во многом надо и помочь.

МАНЯКИН. Отрадно, что встречи такие, как сегодняшняя, становятся нормой. Это нам сейчас очень необходимо. Мы учимся работать по-новому, ищем новые подходы к решению накопившихся проблем. Думаю, ясно одно: к старому возврата нет и быть не может.

Что сейчас особенно волнует? Кадры.

ГОРБАЧЕВ. **Мы идем к Пленуму по кадрам. И главная мысль на этом Пленуме должна быть такая: кадровая политика призвана обеспечить перестройку.** Так надо подойти к делу, чтобы серьезный разговор получился. Думаю, следует сделать тезисы доклада и где-то за полмесяца, дней за 20 разослать их членам ЦК.

МАНЯКИН. Кадровая проблема, пожалуй, самое тяжелое наследие прошлого. Сегодня все дело упирается прежде всего в кадры. На всех уровнях, во всех эшелонах. Даже в цехе, в бригаде, на ферме.

Особую озабоченность вызывает подготовка партийных кадров. Существуют крупные пробелы в организации учебы кадров среднего звена. И очень уж долго учим их в Высшей партийной школе. Заканчивают ее люди в возрасте за 40 лет.

Хотел бы поднять вопрос об управлении экономикой. Много тут еще негативных явлений. Мы ознакомились с докладом на сессию Верховного Совета. Что обращает на себя внимание? На словах как будто перестали планировать от достигнутого уровня. Но беда в том, что нет все же должного нормативного планирования, нормативного финансирования, нормативного снабжения. И с диспропорциями не покончено.

Сегодня ответственно заявляю: слишком громоздким является управленческий аппарат министерств и центральных ведомств. Да и на местах он тоже раздут. Потому что нам нужно что-то противопоставить московским организациям.

ГОРБАЧЕВ. В республиках иногда механически копируют союзную структуру. Даже после съезда партии продолжали писать просьбы о создании новых ведомств. Например, Азербайджан. Я тогда попросил их отозвать свою просьбу. Плодим портфели, чиновников. Кому это нужно?

МАНЯКИН. Приведу такой пример. У нас есть нефтеперерабатывающее объединение, включающее в себя 7 заводов. Перерабатывают они до 30 млн. тонн нефти в год. А в Азербайджане всего 20 млн. тонн переработки нефти. И руководит этим министр, пять заводов, аппарат человек 200. У нас же – один генеральный директор.

ГОРБАЧЕВ. Такие уж неспособные работники в Азербайджане?

БАГИРОВ. Да нет. Портфель, Михаил Сергеевич, портфель ценят...

ГОРБАЧЕВ. В том-то и дело. Вот вы и разберитесь, товарищи, не откладывая, в структуре управления. Не надо в республиках механически копировать структуру общесоюзных органов.

МАНЯКИН. Еще один вопрос – о корректировках. Замордовали нас. За 9 месяцев 112 предприятий, заводов и фабрик Омска имели дело с корректировками. Добро были бы они принципиальными. А то большинство из них – это издержки работы аппарата министерства.

ГОРБАЧЕВ. Если сделать политический вывод на примере Омской области, как все-таки народ настроен? Раньше ведь многие еще присматривались, а кое-кто и ждал: мол, месяц-два – и все кончится.

МАНЯКИН. Таких выжидающих уже нет. Но есть приспособившиеся. Только по конкретным делам можно распознать человека. Сейчас такого не найти, чтобы в открытую сказал, что он против линии ЦК. Таких нет.

ГОРБАЧЕВ. Нашлись и такие. В Черкасской области. На июньском Пленуме я критиковал действия обкома по кадровым вопросам. И какова же была реакция? Вы, видимо, знаете. Одно скажу: затхлость, просто затхлость!

МАНЯКИН. У меня всегда свежо, дремать не приходится. Народ не речистый, но работающий. Сибиряков беспокоит одно. Сейчас Вы проехали Дальний Восток, Тюмень, другие регионы. А ведь много было раньше

решений по Сибири. Но кое-кто нашими средствами пытается затыкать новые дыры. Мы сейчас насторожились и охраняем каждое постановление ЦК и Правительства.

ГОРБАЧЕВ. И правильно делаете.

МАНЯКИН. В заключение, Михаил Сергеевич, хотел бы поблагодарить Политбюро, Вас за то, что проводится твердая внешнеполитическая линия. Наше Вам пожелание – так держать!

ПУГО. Прежде всего хотел бы сказать, что те оценки, которые сегодня прозвучали, в полной мере относятся и к нашей республике. Если судить по откликам, которые поступают в ЦК, морально-политическая атмосфера у нас здоровая, рабочая. Кстати, встречаться с людьми мы стали гораздо чаще, чем раньше. Стремимся побольше собирать в горкомах и райкомах партии секретарей первичных партийных организаций, вести с ними непринужденный разговор. Зачастую простые люди высказывают мнение, что вот в ЦК КПСС перестройка идет очень активно, в столице нашей республики тоже стараются, а вот конкретно в трудовом коллективе существенных изменений, таких, которых все ждут, пока еще что-то не видно.

Люди не удовлетворены тем, что и как меняется непосредственно на рабочих местах. Вообще-то видно, что крупных изменений в технологии и технике мы быстро не получим. Это будет далеко не сразу...

ГОРБАЧЕВ. Если бы мы поставили задачу все решить немедленно, то тогда должны были бы производить модернизацию на старой технике. И куда бы мы зашли? Нам надо сначала получить еще новую технику. На июньском Пленуме я говорил о том, что мы проанализировали, какой техникой располагаем и отвечает ли она мировому уровню. Оказалось, что соответствие – 21 процент. Поэтому, чем консервировать нашу отсталость, лучше уж сейчас переболеть, а потом через подъем машиностроения совершить успешный прорыв к новейшим технологиям.

ПУГО. Нам все-таки удастся преодолевать тот негативный взгляд, что, мол, сегодня не готовы производить своими силами современную технику. И у нас уже есть, действительно, хорошие примеры. Недавно построили цех роторной техники, достраиваем завод в городе Даугавпилсе, создаются другие новейшие производства.

Конечно, люди понимают, что новую технику на каждый участок сразу не поставишь, но все равно они ждут скорейших изменений в своем коллективе. Им нужны перемены прежде всего в социальном климате: чтобы изменилось отношение к ним директора, начальника цеха. Чтобы мастер не хамил, чтобы он, наконец, за руку стал здороваться, а не проходил мимо с высокопарным видом.

Думаем, многое может дать выборность должностей. Мы активно пошли на это. У нас и раньше избирались мастера и заместители начальников цехов. А теперь вот стали избирать начальников цехов и даже руководителей предприятий. Разумеется, пускать такое дело на самотек ни в коем случае нельзя.

Выскажусь по поводу решений Совета Министров СССР. Нам кажется, что в них иногда разные регионы страны стригутся под одну гребенку. Конкретный пример. Принято хорошее решение по созданию гарантированной фирмы для ремонта радиотелевизионной аппаратуры. У нас есть своя хорошая фирма «Электрон». В этом году на ее работу поступило всего-навсего 9 рекламаций. Причем в нашей фирме сконцентрировано все: и электробытовая аппаратура, и сложная электротехника. Новая организация в наших условиях будет менее эффективной. Она возьмет только то, что непосредственно интересует ее министерство. Все остальное будет отброшено. Выгодно ли это для населения? Разумеется, нет. Пусть выделяют нам средства, которые отпущены для нас, а систему оставят ту, которая была у нас до сих пор.

ГОРБАЧЕВ. Думается, это правильно. Зачем же ломать то, что уже приносит пользу? Да еще создавать новые конторы.

ПУГО. Еще один пример, посложнее. Вот, скажем, с той же потребкооперацией, с переходом ее к торговле мясом. Откровенно говоря, на местах испытали немало дерганий. А ведь в республике гораздо яснее, лучше видно, как реализовывать эту продукцию по повышенным ценам. В Риге сейчас действуют 24 магазина потребкооперации. Сделали это быстро. Но где-то в течение месяца раза два дернули: то делай так, то не делай так, то разрешили, то запретили.

ГОРБАЧЕВ. Вот в таких делах, думаю, особенно необходимы серьезные перемены. Всякий раз, когда мы принимаем какие-то меры социального плана, меры, которые задевают жизненные интересы людей, надо меры подготовить политически, идеологически – разъяснить, растолковать их.

Так и народ ставит вопрос. И правильно ставит. Действительно, надо каждый раз готовиться, собирать актив, секретарей парторганизаций, руководителей, выступать, растолковывать как следует. Чтобы не пришлось потом, спасая ситуацию, в пожарном порядке шарахаться из стороны в сторону. В любом серьезном деле нужен основательный подход.

Вот еще пример. Вводят новые нормативы на предприятии в связи с тем, что осуществлена реконструкция. Ясно, что там и производительность выше, там уже все другое. Но надо же все это растолковать. А не растолкуй – может возникнуть конфликт. Тогда уже впору докладывать в ЦК: люди недовольны.

Надо извлекать уроки из происходящего, особенно сейчас, когда идет перестройка. Хотелось бы, чтобы хаоса было поменьше. Ведь для того, чтобы добиться чего-то существенного, не обязательно в самом начале ставить все с ног на голову, а потом уже исправлять ошибки.

Это очень важно сегодня – разъяснять народу, убеждать народ, готовить его к переменам. Ведь мы активно и повсеместно переходим на новые формы, на новые системы. Здесь требуется обеспечение и хозяйственное, и идеологическое. Очень тщательное обеспечение. Я бы сказал, что это – главный вопрос партийной работы. Нас тут никто не заменит. Если партийные органы упустят ту или иную ситуацию из-под своего

контроля, она будет развиваться с перекосами. Не обязательно, чтобы первый секретарь день и ночь выступал в роли пропагандиста и агитатора. Отнюдь нет. Пусть разъясняют идеологи, специалисты, экономисты. Но партийный орган обязан держать ситуацию под контролем. Он должен, как я уже неоднократно говорил, предвидеть политические и социальные последствия любых мероприятий.

РАЗУМОВСКИЙ. Это должно быть всем понятно.

ГОРБАЧЕВ. Если не учитывать этого, можно вместо выигрыша получить проигрыш. Скажем, Центросоюз издает приказ: кооперативные магазины не должны принимать от населения продукцию. А если, к примеру, старушка имеет огород, сад. Собрала два килограмма яблок или принесла пяток яиц. Ну, и на здоровье! Почему не реализовать тут же? Может, боимся, что махинации будут? Конечно же, по мелочам что-то и может быть. Ведь тут интерес присутствует. И его, интерес этот, надо использовать, как говорится, завязать интерес на чем-то.

Я тут предвижу возражения. Но скажу так. Ох, товарищи дорогие, и сколько же у нас «борцов» за социализм – социализм чистый, незамаренный, ни на земле, ни на навозе не замешанный. Где вы такой социализм видели?! У Ленина этого нет. **Ленин говорил: социалисты всех времен, начиная с утопистов, спотыкались на одном, на том, что не умели соединить личный интерес с социализмом. Это и сегодня остается главной проблемой. И заметьте – широко понимаемый личный интерес. Это значит, чтобы достоинство человека уважалось, чтобы человек морально не был ущемлен. И, понятно, материальное стимулирование. Если мы этим вопросом не будем заниматься, дело с места не сдвинется.**

У нас как порой бывает: треугольник подписал, директиву вниз спустили. И все тут. У нас иной прямолинейный хозяйственник прет, как говорится, напролом, не выбирая ни дороги, ни аргументов. Надо переделывать такую психологию.

Мы должны обеспечить перестройку умов. Вот почему я говорю, что у нас сейчас – самый трудный период. Партийные органы вынуждены продолжать заниматься непосредственно хозяйственными вопросами, поскольку хозяйственный механизм пока не сложился. И в Агропроме он еще не сложился. И в то же время надо постоянно идти своим путем, осуществлять прежде всего политическое руководство. Думаю, что нам очень поможет Закон о предприятии, который сейчас готовится. Этим Законом мы определим права и обязанности коллектива по отношению к Советам, министерствам.

РАЗУМОВСКИЙ. И к смежникам...

ГОРБАЧЕВ. Да, и к смежникам тоже.

Проект Закона мы хотим вынести на всенародное обсуждение, ибо этот документ затрагивает все коллективы, весь народ. Гласность обеспечит успех дела. Вот это и будет социализм в действии. Нам ведь не меньше хочется социализма, чем тем, кто привык лишь эффектно командовать. Без головы и без совести далеко не уедешь. Это только кажется, что, повелевая, быстрее достигнешь цели.

Люди должны почувствовать, что к ним повернулись лицом, пошли навстречу, нуждаются в их совете. Если нельзя что-либо сделать, то так и скажи. И люди тебя поймут.

Если суммировать, что самое главное в перестройке – так это то, что человек должен почувствовать себя, наконец, хозяином на предприятии, в стране. Он должен знать: что в его словах нуждаются, что его достоинство не унижается, что о нем проявляется забота. Когда человек видит все это, он идет за нами в огонь и в воду.

Возьмите любой передовой коллектив – промышленный, строительный, сельский – все здесь построено на правильных взаимоотношениях руководителя с коллективом, на решении социальных вопросов. И тогда на такое предприятие едут люди со всей страны, и письма пишу – с просьбой

принять их на работу. Народ разбирается, быстро улавливает, что к чему. Народ не обманешь.

КАЛАШНИКОВ. В Волгоградской областной партийной организации вопроса нет о том, как относиться к линии на перестройку. Мы считаем, что эта линия, безусловно, правильная. Перестройка – это прежде всего перестройка в подходе кадров к решению вопросов. И наши усилия направлены на то, чтобы активизировать народ. Люди должны смелее браться за новые дела, без оглядки, без согласований излишних, не бояться принципиально ставить вопросы.

Каждый из нас, партийных руководителей, чувствует, что действительно созданы условия для плодотворной работы. Но есть, конечно, и такие моменты, которые бьют так, что чуть с ног не валят. Новые, нестандартные подходы в общем-то воспринимаются не очень однозначно и положительно даже в некоторых отделах ЦК, не говоря о ведомствах. Чтобы не быть голословным, приведу пример. Мы проанализировали обстановку в сельском хозяйстве и решили: упор будем делать на систему сухого земледелия, на пары, на развитие мелиорации, на решение социальных вопросов. Постановлением ЦК это одобрено. Но вы думаете, наши шаги были встречены всеми под аплодисменты? Отнюдь. Сейчас и в этом доме, и в Совмине, и в Агропроме есть активные противники нового подхода. Иными словами, я хочу сказать, что есть еще ортодоксы, люди со стереотипными подходами, которые не хотят ничего менять.

ГОРБАЧЕВ. Но время работает не на них. И вы должны из этого исходить. Я знаю, секретарю иногда бывает тяжело.

КАЛАШНИКОВ. Но мы надеемся, Михаил Сергеевич, что Политбюро правильно разберется. Поэтому мы смело и действуем.

ГОРБАЧЕВ. Вот это правильно. Если человек наш, будь то секретарь или партийный работник вообще, если он не в конфликте с законом, с нашей моралью, то мы его можем понять и простить, когда при решении какого-то вопроса он допустил ошибку. Нельзя прощать только тех, кто становится на

путь злоупотреблений, кто порывает с нашей моралью. Если партийный работник не подает морального примера, ничего не будет, товарищи, ничего. И не спасешь такого человека. И спасать не надо.

КАЛАШНИКОВ. Сейчас проходят отчеты и выборы в партийных организациях. Собрания отличаются от тех, что были в прошлом. Но все же до конца мы не разбудили людей. Как-то идет по линии затухания. На уровне области, в среде областных руководителей, членов обкома, облисполкома идет перестройка, повышается требовательность. Проявляются эти процессы и на уровне райкомов и райисполкомов. Но вот я побывал в двух первичных партийных организациях: сюда эти процессы не дошли.

Многие руководители на низах, которые хотят поднять людей, навести порядок, дисциплину, иногда встречают сильное противодействие. Иной вышестоящий руководитель начинает его одергивать, устраивать всякие проверки. Жалобы на них идут, анонимки, и они начинают осторожничать. Анонимки часто руководителей подрывают, сдерживают развитие активности.

ГОРБАЧЕВ. **Вообще зреет предложение о гарантиях права на критику. Раз мы говорим о демократии, то надо обеспечить, чтобы человек мог открыто встать и высказать все, что думает.** Ты зря, мол, чего-либо боишься, мы тебя не дадим в обиду – такой нужен порядок. Может быть, за этот порядок шире через прессу поагитировать, поддержать общественным мнением.

ПОНОМАРЕВ. Не всегда объективен критический анализ в прессе. Он бьет по организациям...

ГОРБАЧЕВ. Я не знаю, где такое есть.

КАЛАШНИКОВ. Сейчас проверяется каждая анонимная жалоба. Дайте нам такое право, чтобы областной комитет партии имел возможность решать, что нужно, а что не нужно проверять.

БАГИРОВ. Слишком много писем берется под контроль. В общем наш орготдел на 50 процентов занят этим делом.

ДОБРИК. Приходиться отписываться...

ГОРБАЧЕВ. Вообще сейчас большой поток жалоб. И это говорит о том, что у нас не срабатывает демократия. Не находит человек решения, – а оно должно быть позитивным или отрицательным, – и тогда он жмет на писанину. Так что нам для одних только писем надо большой аппарат иметь. Но в принципе вопрос об анонимках заслуживает рассмотрения.

КАЛАШНИКОВ. То, что прежде всего должно нам обеспечить перестройку, ускорить темпы, – это человеческий фактор. Надо чаще встречаться с людьми, разрешать их заботы, нужды. К сожалению, некоторые министерства продолжают вставлять в план исключительно производственные объекты.

ГОРБАЧЕВ. Егор Кузьмич Лигачев мне рассказывал, как слушали на Секретариате отчет А.А. Ежевского¹ о выполнении постановления в связи с критическими замечаниями Клепикова и других по недоброкачественной сельскохозяйственной технике. Но вот что выясняется. Огромные деньги выделяют отрасли, а социальные проблемы не решаются. Министру две минуты осталось отчитываться, а он все докладывал: там предприятие новое, там цех, там то, там сё и ни звука о социальных вопросах! А работать некому. Мы же знаем, что для сборки комбайнов на «Ростсельмаше» пять тысяч механизаторов привлекаются.

Вообще хочу сказать, что настоящего поворота к социальным проблемам еще не наступило. Об этом итоги и полугодия, и девяти месяцев говорят. Во многих местах завалили социальную программу. Вот давайте так: у нас и на Политбюро, и на Секретариате жесткий спрос идет за эти вещи, и вы не упускайте из поля зрения эти вопросы.

МЕСЯЦ. То, что произошло и происходит после апрельского Пленума ЦК, после XXVII съезда партии, – все это, как свидетельствует опыт Московской области, очень сильно поддерживается народом. Люди хотят

¹ *Ежевский Александр Александрович – в 1980-1987 годах министр тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР*

одного: чтобы не остановилась перестройка, чтобы процесс ее шел дальше. Может быть, демагог какой-то и найдется, но он погоду не делает. Очень важно, что на местах стали понемногу поднимать дисциплину, организованность, ответственность.

ГОРБАЧЕВ. Так же – по всей стране. **Я уже отмечал, что мы ничего существенного в модернизации еще не сделали. Только ищем подходы, намечаем, где какое оборудование разместить, что должно сделать это министерство, а что – другое. Но откуда взялись у нас 4,3 процента роста национального дохода, 5,2 – промышленной продукции, 4,9 процента – производительности труда? Это все народ, товарищи. Потрясающие резервы! Человеческий фактор – ключ ко всему. Люди – это прежде всего наш партийный объект.**

Закрепили за одной семьей в Тимашевском районе определенную площадь. Заметьте, это не там, где у нас есть заброшенные деревни и семьи могут взять 50 голов скота; и не где-то в Закарпатье, в Западной Украине или в Белоруссии, где есть хутора. Нет – это в Краснодарском крае. И вот эта семья – механизатор, жена, дети – вырастила подсолнечник по 37 центнеров с гектара. А по колхозу урожайность – 23 центнера. Все одинаково, товарищи, все. Земля – одинаковая, ресурсы все одинаковые, техника вся одинаковая, даже меньше у семьи техники, потому что ей лишняя не нужна, – все-таки за излишек надо платить из своего кармана.

И это ведь социализм, соединенный с личным интересом: земля – государственная, средства – колхозные, только даны семье во временное распоряжение. Отношения строятся на нормативных принципах. Это же прекрасно. Я не говорю, что везде нужен семейный подряд. Но он нужен, **человеку нужно дать почувствовать: то, что у него есть и что у него будет – это прямо связано с тем, что он отдает обществу. Это резерв колоссальный!**

Поэтому, поднимая через машиностроение на новый технический уровень народное хозяйство, мы должны поднимать и человеческий фактор – воспитывать добросовестность, укреплять дисциплину, ответственность.

МЕСЯЦ. Мы понимаем это. И стремимся все делать для того, чтобы крепили дисциплина, ответственность и организованность.

ГОРБАЧЕВ. Скажите, не происходит ли ослабление борьбы с пьянкой?

МЕСЯЦ. Нет, не происходит. Но люди часто задают вопрос: водкой не надо торговать, но почему нельзя торговать пивом, сухими винами?

ГОРБАЧЕВ. Было же принято постановление, найдите и прочитайте его. Производство пива, сухого вина, шампанского и коньяка не сокращать.

ТЕЛЕПНЁВ. Но ведомства ликвидируют такие предприятия.

БАГИРОВ. Проводилась жесткая линия на то, чтобы перепрофилировать и пивные заводы.

ГОРБАЧЕВ. А ты, товарищ Багиров, следуй указаниям Политбюро. Нарращивать не надо. Водку – доводить до минимума, жать и ценой, и любым способом. И пусть хоть целый день стоят за водкой в очереди. Производство и продажу плодово-ягодных вин прекращать. А вот сухими винами, шампанским, коньяком, пивом пусть торгуют отдельно.

ГОЛОСА. Правильно, правильно.

ГОРБАЧЕВ. Мы же признали – сухой закон не пройдет. В свое время это было предметом дискуссий. Высказались все ЦК, 48 обкомов. Значит, в организации продажи вин кто-то, наверное, перегнул палку. Торговля сухими винами и пивом – и это самое главное – не означает отказа от нашей линии на трезвость. Пусть каждая семья объявляет сухой закон для себя. Село созрело – пусть оно объявляет. Но пусть это идет от народа. Здесь не должно быть перегибов.

Товарищи, то, что мы разворачиваем с вами, вызывает огромный резонанс во всем мире. Борьба идет острая. Не будем упрощать, не будем простаками. Противники наши следят за нами, все учитывают – сколько сменилось секретарей, кто пришел, откуда. Все загнано в компьютер, только

кнопку нажми – и все о тебе он отпечатает. Изучают нас, читают даже местные газеты. И, между прочим, видят, что центральная печать остро поднимает вопросы. Она, говорят, за Горбачева. А вот в местных газетах, отмечают, не такая критика. Значит, делают вывод, местные секретари не поддерживают Горбачева. Поняли? Так что вы знайте: когда у вас тишина – вы просто честь своего мундира защищаете. А ко всему надо подходить с общепартийных позиций.

МЕСЯЦ. Нам надо поднимать ответственность прежде всего партийных кадров – секретарей районных комитетов партии, а также председателей горрайисполкомов, начальников районных агропромышленных объединений. Если мы в этом звене сейчас хоть немножко ослабим, то можем очень многое потерять. И здесь приходится подчас идти на крутые меры. Мы освободили трех секретарей райкомов партии. Почему? Потому, как Вы говорите, чванства много, много общих разговоров и нет конкретности в работе. Разваливаются у них районы. Причем о таких фактах мы сообщаем в печати.

ГОРБАЧЕВ. Вот это правильно.

МЕСЯЦ. Прошла конференция – мы, ничего не скрывая, даем сообщение в «Ленинском знамени». Прошел пленум – также. Расширение гласности очень хорошо воспринимается людьми.

Несколько слов об Агропромышленном комплексе. Было бы ошибкой утверждать, что сегодня он в Московской области уже полностью встал на ноги. И хотя мы его здорово поддерживаем, стараемся, чтобы Агропром превратился в полноправного хозяина при решении всех аграрных вопросов области, – этого пока нам не удастся.

ГОРБАЧЕВ. Хочу поделиться с вами одной мыслью: **нынешний Агропром в большинстве мест действует недемократично. Помните, я уже говорил, что главным органом должен быть Совет Агропрома. Получилось же так, что нынешний начальник Агропрома, как и начальник управления сельским хозяйством в прошлом, пытается командовать всеми колхозами и совхозами. Это не его дело. Надо иметь**

Совет во главе с самым опытным хозяйственником, который заседал бы раз в два-три месяца. Совет должен решать основополагающие вопросы, устанавливать взаимоотношения в АПК, такие, чтобы выгода обеспечивалась всем. А начальник должен быть исполнителем. У нас же получилось: этот начальник командует. Все наизнанку вышло. Отсюда и приниженная роль председателя колхоза, других руководителей предприятий АПК. Опять они вынуждены у кого-то что-то попрошайничать.

ГОЛОСА. Правильно. Это – точно.

ГОРБАЧЕВ. Я прошу разобраться в этом и так повернуть дело, чтобы Совет Агропрома был демократичным органом, где бы председатель колхоза и директор совхоза чувствовали себя хозяевами. Их решения – воля для аппарата АПК.

МЕСЯЦ. Михаил Сергеевич, недавно на заседании Политбюро было принято решение о создании 14 агрокомбинатов. Дайте поручение, пусть изучат, посмотрят повнимательнее накопленный опыт. Полагаю, что эта форма более совершенная, более приемлемая, и она не нуждается в громоздком аппарате сверху.

ГОРБАЧЕВ. Думаю, что в этом опыте самое ценное – полный хозрасчет. **Вообще я глубоко убежден, что самые эффективные формы организации производства на основе полного хозрасчета быстрее всего приживутся в Агропроме. Потому что там, во-первых, есть глубокие традиции наших колхозов. Во-вторых, в них народ более предприимчивый, оборотистый.** Все это позволяет быстрее решать вопросы хозрасчета, самофинансирования, самоокупаемости.

МЕСЯЦ. В порядке эксперимента мы идем на создание семейных ферм. Первые итоги обнадеживают нас.

ГОРБАЧЕВ. У нас, еще раз хочу об этом сказать, появились горе-идеологи, которые говорят: что же, мы фермеров будем плодить? Но такой подход – не марксизм, а карикатура на него. Человек, даже не вдумываясь в явление, не подвергая его социальному, экономическому и политическому

анализу, уже выдает его за покушение на социализм. А ведь, казалось бы, все ясно: производство-то идет на государственной земле, с помощью коллективных или государственных средств производства, на основе договора, заключенного с хозяйством. Это – не покушение на социализм, а использование его возможностей.

Иные идеологи вместо того, чтобы глубоко заниматься изучением практики, новых явлений и процессов, происходящих в социалистической системе хозяйствования на современном этапе, цепляются за старые формулы.

На съезде говорилось – критерий один: все, что укрепляет социализм, – это хорошо, это надо поддерживать, все, что ослабляет – не соответствует марксизму.

МЕСЯЦ. У нас хорошо пошел коллективный подряд в строительстве. Он дал возможность поднять производительность труда на 20-25 процентов, снизить себестоимость работ почти на 15 процентов. Сейчас строители на селе начали работать в две смены. Аналога этому нет в стране.

ГОРБАЧЕВ. Я бы вас очень просил в связи с реорганизацией управления строительством разобраться с этим на месте, в каждой области, в каждом районе. Это вы не упускайте из виду. В регионах у нас столько полигонов, столько мощностей... Все это надо собрать «под одну крышу», посмотреть, как более рационально распорядиться возможностями. Мы отвели два года на всю перестройку строительства. Но чем быстрее вы решите вопрос, тем лучше. Если мы капитальное строительство не переделаем, если будем строить объекты не 3-4 года, а 7-9 лет, никакой эффективности в народном хозяйстве не будет, затормозится технический прогресс.

МЕСЯЦ. Пока мы приводим в действие резервы, лежащие на поверхности. Но с глубинными пластами, связанными с научно-техническим прогрессом, у нас пока еще не получается. Многие промышленные предприятия надо перевооружать, но в пятилетке мы запланировали обновить основные фонды только на одну треть. Потому что нет станочного оборудования. Мы сейчас решительно выступаем против, что некоторые

министерства идут в новые корпуса со старыми станками. Не пускаем, вплоть до наказания. Но надо принимать меры, чтобы машиностроение давало побольше нового оборудования. Особенно текстильного.

ГОРБАЧЕВ. Если бы мы пошли сейчас на реконструкцию легкой промышленности на том оборудовании, которое есть у нас и в СЭВе, то приросты были бы всего 3-7 процентов. Если заложить оборудование – швейное, ткацкое и т. д., которое имеется у итальянцев, французов, – прирост на тех же площадях будет 34 процента. И качество резко повысится. Поэтому мы сейчас задержали процесс модернизации.

ГОЛОСА. Правильно.

ГОРБАЧЕВ. И расписали задания всем оборонщикам. Оказывается, им легче ракету создать, отправить аппарат на Венеру, чем сделать чесальное приспособление.

ФИЛАТОВ. Мы сделаем станок, и сделаем по новой схеме.

ГОРБАЧЕВ. Мы расписали на 1 миллиард 200 миллионов рублей заданий оборонной промышленности на выпуск оборудования для легкой и пищевой промышленности. Будем покупать лицензии на основные узлы. В общем, если сделаем то, что наметили, выведем всю страну на новый уровень. А зря деньги в старое зачем загонять? Пока же деньги есть, их на соцкультбыт надо поворачивать.

МЕСЯЦ. Сейчас в комиссиях Верховного Совета прорабатывают план 1987 года. Выслушали мы сообщение Председателя Госплана, товарищей в подкомиссиях. И, откровенно говоря, не почувствовали заботы о выделении необходимых материалов для строительства хозспособом. Нигде и ничего об этом не говорится. Но если мы оставим хозяйственный способ опять без строительных материалов, нам трудно будет выполнить задачу предоставления каждой семье отдельного жилья.

ГОРБАЧЕВ. Товарищи, я недоволен, как у нас идет дело с двух- и трехсменкой. Без вас, без партийных комитетов, оно не двинется вперед. Ведь двухсменка, трехсменка – это не только производство. Это перестройка

режима жизни всего города, всей сферы обслуживания. Я читал много статей об опыте Харькова и еще раз убедился, сколь непростое это дело. Харьков накопил здесь опыт, и всем полезно с ним познакомиться.

МЫСНИЧЕНКО. Мы двухсменкой начали заниматься еще до съезда партии. Прежде всего развернули разъяснительную работу среди трудящихся. Определили трех инициаторов движения – заводы «Электротяжмаш», турбинный и «Станкозавод». После того, как они проработали 2-3 месяца, взяли на заметку все положительные и отрицательные моменты.

ГОРБАЧЕВ. Кстати, отделу оргпартрabоты ЦК надо взять этот вопрос под контроль. Без нашего партийного контроля дело не пойдет.

МЫСНИЧЕНКО. Подготовка шла по разным направлениям. Предстояло многое сделать по перестройке работы транспорта, особенно в вечернее время, детских учреждений, бытового обслуживания, торговли, общественного питания. Честно говоря, мы готовы были раньше перейти, чем 30 июня, но я опасался, что среди рабочих может возникнуть недовольство. Могли найтись бузотеры, которые попытались бы испортить дело, использовать недоработки, чтобы подорвать в корне хорошую идею.

Решение о широком переходе на двухсменку мы приняли сразу же после постановления ЦК КПСС по Ленинграду. Первые дни работы по-новому весь аппарат обкома, горкомов и райкомов партии – буквально целые две недели – находился в коллективах. Смотрели, как работает транспорт, сфера обслуживания, как решаются бытовые вопросы. Мы перестроили работу торговли, вплоть до того, что вечерние рынки организовали.

Три месяца уже проработали на двухсменке. Что это нам дало? Высвободили 2,5 тысячи станков, 50 тысяч квадратных метров производственных площадей. До конца года еще высвободим 3,5 тысячи станков и около 70 тысяч квадратных метров производственных площадей. Куда эти станки идут? В первую очередь отдаем их в опытное производство и цехи. Затем передаем на предприятия, которые имеют старое оборудование. Направляем в цехи легкой и пищевой промышленности. Не забываем и

сельское хозяйство. Определен порядок использования и высвободившихся площадей.

По сравнению с прошлой пятилеткой за эти три месяца мы вдвое подняли темпы роста коэффициента сменности. И хотим к концу будущего года выйти на 1,75-1,78. Станки с программным управлением, обрабатывающие центры, модули будут работать в 2,7 смены.

ГОРБАЧЕВ. В Днепропетровске на комбайновом заводе за счет аттестации рабочих мест достигли коэффициента, равного 1,7. В Западной Германии даже в четыре смены используют самое высокопроизводительное оборудование. Чтобы выжать из него максимум, устанавливают для рабочих сокращенный шестичасовой режим работы.

МЫСНИЧЕНКО. Еще один важный результат. Раньше без дополнительных капиталовложений нельзя было решить многие социальные вопросы. Мы отставали от норм по количеству посадочных мест в столовых, по бытовкам, обслуживанию. Теперь это автоматически решается, потому что первая смена уменьшается, вторая – увеличивается.

Но не все идет просто. Так, разные министерства подходят по-разному к вопросам реализации оборудования. Некоторые из них держат станки, которые им не нужны, но они их не реализуют. Общего порядка решения этих проблем нет. Еще одно: оплата труда в ночные смены. Как будто бы подготовлено какое-то постановление по этому вопросу. Так надо его поскорее принимать, потому что сейчас идет разнбой.

И, наконец, последнее. Мы экономим 60 миллионов рублей капиталовложений на строительстве новых цехов. Пока разговор шел, и Вы нас поддерживали, все было нормально. Теперь же некоторые министры дают отбой: а мы, мол, не предполагали строить новый цех, поэтому не будем выделять никаких денег на жилье, соцкультбыт. Выкручивайтесь, дескать, сами.

ГОРБАЧЕВ. Подготовьте по этим фактам записку с тем, чтобы завтра рассмотреть вопрос в Политбюро. Идею двухсменки мы поддержали, приняли решение и нельзя допустить, чтобы оно провалилось.

Ну что, товарищи, будем заканчивать. Хочу сказать, что я доволен встречей. Конечно, 4 часа – мало времени. Но даже то, что мы встретились и неформально обменялись оценками того, как оно видится отсюда, из Москвы, и из областей, иначе говоря, с разных уголков, – уже одно это имеет важное значение. **Мы можем сегодня говорить о том, что трудно, не везде одинаково, но дело перестройки набирает силу. Это самое главное, это основной политический вывод из нынешнего разговора.**

Правильно товарищи, по-моему, отмечали, что мы – на первом этапе перестройки. Дело это непростое. Нельзя думать, что завтра уже все будет в магазинах, городской транспорт станет четко работать, с жильем все решится. Наверное, кое-кто надеялся, что все изменится сразу, будто по мановению палочки. Мы не должны допускать, чтобы у нашего народа появились нереальные ожидания.

Главное, что надо донести до народа, состоит в следующем. Линия, которую мы взяли, действительно выведет наше общество уже в этой пятилетке, и особенно в последующие, на качественно новый уровень экономического, социального и духовного развития. Но это потребует огромных усилий.

Поэтому и надо перестраиваться. Перестраиваться всем – руководящим кадрам, партийным и беспартийным, рабочим и крестьянам, интеллигенции. Вначале ведь была какая тенденция? Весь напор направить на кадры. Думаю, что тогда такое заострение вопроса было полезным. Надо было расшевелить кадры, морально их встряхнуть. Я говорил, что нужно счистить слой ракушек, которым обросли многие.

Нам не следует шарахаться, нельзя, чтобы нервы начали сдавать. Нельзя поддаваться настроениям некоторых: дескать, что-то не то происходит, новизна какая-то подозрительная, короче, паника: «Караул! Марксизм

рушится и социализм подтачивается!». У Центрального Комитета партии достаточно политического мужества, опыта, зрелости. Не надо бояться новизны. Нам не решить новые задачи ни в экономике, ни в социальной, ни в идеологической сферах без обновления подходов.

С задачей ускорения не справиться, если партия не будет давать пример перестройки. Вот что мы должны твердо помнить. И об этом я еще раз хочу сказать, чтобы вы этого никогда не упускали из виду.

Мы по ходу разговора вышли на многие проблемы, но я бы просил вас никогда не упускать из виду два ключевых момента. Надо, чтобы кадры перестраивались, и надо, чтобы народ включался во все процессы – и хозяйствования, и управления. В Краснодаре специально был заострен вопрос о партийных и профсоюзных руководителях: нередко они польку-бабочку или краковяк исполняют в обнимку с администрацией. А ведь профсоюзы – мощнейшая организация, и богатейшая во всех отношениях, с сильнейшими рычагами влияния. Так им надо прямо сказать: вы что сидите, чего ждете? Действуйте и показывайте, на что вы способны. Вот так надо ставить вопрос!

А посмотрим на комсомол. Почему мы не можем его как следует расшевелить? Закон что ли нужен какой-то или решение ЦК для этого? Что вам мешает, приехав домой, сказать: «Товарищи, вот был разговор в ЦК, и Генеральный секретарь отмечал – ни в коем случае нельзя упускать вопросы, которые касаются молодежи, организации ее труда и досуга. Никогда не забывайте, что молодежь только вступает в жизнь, ищет в ней свое место. Это для человека – самый трудный период. Идет формирование семьи, профессиональных навыков, политического облика, гражданских позиций, одним словом, становление личности. Поэтому и надо усилить внимание к молодежи, к комсомолу».

Давайте так поставим дело: ни один вопрос, касающийся существенных проблем молодежи, без мнения комсомола не должен решаться. Это должна быть партийная директива – отныне и навсегда!

Это не значит, будто мы подлаживаемся, начинаем обхаживать комсомол. Нет! Нам надо решительно поднять его ответственность. Ничто не оказывает такого эффективного воздействия на формирование облика подрастающего поколения, способного взять на свои плечи настоящее и будущее страны, как включение молодежи в реальный политический и хозяйственный процесс.

Если мы начнем похлопывать молодежь по плечу, смотреть на нее свысока, как вроде бы ей самой и сказать нечего, или заигрывать с ней, относиться к ней несерьезно, – это все недорого будет стоить. Нет, надо дать возможность комсомолу и молодежи по-настоящему развернуться. Что это за няньки у нас в школах! Что за няньки и дамы классные в университетах и вузах! Словно комсомол ничего не может сам сделать. Боятся, что кто-то в чем-то ошибется. Такую жвачку развели. Недопустимо, товарищи!

Давайте с другой стороны подойдем к вопросу. Вы посмотрите, сколько мы еще всего не улавливаем. Почитайте в «Комсомолке» статью «Дети Деточкина» от 17 октября. Из нее узнаете, как молодежь, решив откликнуться на призыв партии наводить порядок в стране, начала создавать свои неформальные организации. О чем это говорит? О том, что мы с вами упускаем время, а молодежь не ждет. Раз мы ее не приглашаем к серьезным делам, не помогаем ей реально включиться в них, она начинает действовать своими методами. Тут могут быть такие «открытия», которые потом всех нас удивят. А когда мы будем приглашать молодежь, поддерживать ее инициативу, тогда ее активность всем пойдет на пользу.

Сегодня необходимо двигать вперед и процесс демократизации страны. Надо нашу демократию сделать более динамичной, и выборы сделать более динамичными, чтобы было сопоставление кандидатов. Следует до конца довести реформу хозяйственного механизма, ибо это тоже прямо связано с процессом демократизации общества. Причем это такая демократия, которую капитализм у себя никогда не допустит. Буржуазия никогда не допустит, чтобы народ управлял предприятиями. А мы

заинтересованы в этом. И делать это надо через хозрасчет, через коллективный подряд, через Советы трудовых коллективов – на уровне бригады, на уровне цеха и на уровне предприятия. Надо разворачивать эти новые элементы. В общем, все это необходимо двигать вперед.

Многого мы должны добиться в текущей пятилетке. Ставим задачу, чтобы все машиностроительные министерства вышли на такой технический уровень продукции, 80-100 процентов которой соответствовали бы мировому уровню. Над этим надо серьезно потрудиться, держать это дело под постоянным контролем.

Сейчас как раз идет работа министерств с предприятиями. Если вы, скажем, приехали на завод, так спросите: какую продукцию собираетесь выпускать, какого уровня, какие намечаются новые подходы к делу вообще? **Все вопросы научно-технического прогресса следует держать в поле зрения. Это, во-первых.**

Во-вторых. Мы должны уделять больше внимания социальной сфере. Это будет добавка к нашей организаторской, идеологической деятельности, к работе по укреплению дисциплины и порядка. Только тогда мы сможем успешно решать все задачи пятилетки.

Прямо скажу: пока мы плохо спрашиваем, отстаиваем свою линию. Правильно, что сейчас обкомы перестают мириться с тем, что министерства отодвигают на второй план социальные вопросы. То один, то другой секретарь нажимает и сам, и через нас, отстаивая свою принципиальную позицию. Так и действуйте. Надо, чтобы в планах находили должное отражение социальные вопросы, чтобы линия на переориентацию, на усиление социальной политики проводилась в жизнь. Но нужно и осваивать выделенные средства. А то получается: дай больше, а что уже дано, не осваивается. Вот возьмем итоги девяти месяцев: провал. Колоссальный провал по социальным объектам, по всей социальной сфере, в том числе и по жилью. Поэтому-то и нужны партийный контроль и партийная поддержка.

В общем, сдвиги в стране начались. Но ведь это не больше, чем сдвиги. Поэтому, если кто устал, то скажу таким: рано еще, товарищи, ослаблять усилия, рано. **Если кто думает, что дело уже пошло, как телега под гору, – так нет. Мы еще в гору ее тянем. И надо тянуть и тянуть этот воз. Раскручивать и раскручивать дело.**

Я думаю, пять, семь, десять лет потребуется, чтобы раскрутить наш маховик. Почему десять? Потому что лет пять-семь мы все наше машиностроение будем модернизировать. Потом лет через пять все это будет трансформироваться в нашу экономику, и тогда маховик раскрутится, по-настоящему заработает.

Поэтому сейчас требуются большие усилия. Велика ответственность этого состава ЦК – выдержать историческое испытание. То, что оно историческое, сомнений нет. Повторяться не хочу, но все же скажу: действительно, товарищи, ускорение будет иметь колоссальные исторические последствия для страны в смысле выхода на новый качественный уровень экономики, всего комплекса общественных отношений. В котле перестройки переварится все и прежде всего сам человек, само общество. Это будет уже качественно новое общество. Вот за какое серьезнейшее дело мы взялись.

По-разному можно все, что мы делаем, оценивать. Примерно так, как в старой притче. Подходит один к тем, кто какое-то сооружение возводит, и поочередно спрашивает: что они делают. Один отвечает: да вот видишь, чертовы камни таскаем. Другой встал, распрямился и сказал: видишь, храм создаем!

Не сиюминутный интерес должен вами двигать: только бы своей цифрой в строчку попасть, только в сводке ЦСУ выглядеть получше. Нет, товарищи, не к этому дело сводится. Вот если видишь эту высокую цель – храм, тогда понятно, почему и ради чего камни таскают с удовольствием.

Вот на такой закваске надо вести дело, вот такую энергию и понимание происходящего должны генерировать первые секретари во все свое окружение и передавать их всем трудящимся.

Давайте будем действовать. Действовать так, как мы решили на съезде, и как мы сейчас ведем дело, только прибавляя в темпах. Мы на Политбюро в порядке контроля ставим теперь отчеты. Вот слушали тех, кто тормозит решение вопросов по легкой промышленности. Пришлось нам некоторых товарищей сильно поправить. Заслушали также информацию товарищей Маслюкова, Силаева, Велихова, Колесникова, Шкабардни о том, как выполняются постановления по вычислительной технике по всем компонентам – большим машинам, компьютерам, командоаппаратам, ЧПУ, микропроцессорам.

В общем, все эти вопросы сегодня у Политбюро под контролем. Причем спрос предъявляем и будем предъявлять жесткий. Так должны действовать и вы, чтобы не повисли наши решения в воздухе.

ГОЛОСА. Правильно.

ГОРБАЧЕВ. Дело трудное, долгое, но необходимое.

ДОБРИК. Это не спринтерская, а марафонская дистанция.

ГОРБАЧЕВ. Вот именно: марафонская.

Об итогах сельскохозяйственного года. Хлеба у нас будет собрано в этом году около 210 миллионов тонн. Это почти на 30 миллионов больше, чем среднегодовой результат в одиннадцатой пятилетке. Третий результат за всю историю. Качество зерна тоже выше. 1978 год был бóльшим по цифре, но тогда в зерне было очень много воды, потому что год был мокрый. Но все равно напряжение есть. Очень трудно с валютой. Поэтому тем более надо все делать, используя свои мозги, искать самим выходы. Да мы и можем, когда беремся. Это показывает жизнь.

Так что, завершив пребывание в Москве, возвращайтесь на места и впрягайтесь в дела. Вы – основная команда гребцов нашего корабля. Надо грести и грести дружно, иногда и против течения. Один ничего не сделает, поэтому грести всем вместе. Курс у нас правильный.

Всего доброго!

АГФ. Фонд № 1. Опись № 1.